

"Кукла (СИ)"

**Читайте больше БЕСПЛАТНОЙ литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org**

- А вот я там была!

- Все ты врешь! Заборище высокий, а за ним злые кирпичи живут. Кто из детей туда пойдет, того они - стук!

- Нет, не вру! Нет, не вру! Под забором есть дырка. А про кирпичи - сказки для малявок. Там привидения живут, только я их не боюсь. Пошли?

- Мама говорит - на "стройку" нельзя ходить.

- Она не узнает. Мы - быстренько. Там классно. Пойдем!

- А Димка из второго подъезда оттуда такую штуку принес - со стеклышками и вертится... - вступил в разговор Сережка, карапуз-малолетка лет шести от роду.

Обычно пренебрегавшая его мнением Даша на этот раз отнеслась к Сережкиным словам одобрительно:

- Даже Сережка и тот кирпичей не боится. Ты - маменькина дочка!

- Вот и нет! Куда хочу, туда хожу! А ты, Дашка, сама темноты боишься.

- Я?!

- Ты! Ты!

- Ладно, карапузы. Я пойду одна. Димка, между прочим, рассказывал, что там еще много-много цветных стеклышек рассыпано... У меня будут такие "секретики"! А вам я ничего не дам.

Искушение было велико.

- Я с тобой, - после недолгого раздумья произнесла Таня.

- И я... - на этот раз Даша не обратила никакого внимания на Сережину реплику. Он немного обиделся, но пошел вслед за девочками.

Ребятня направилась в сторону серого бетонного забора, перегораживающего угол двора. Раньше здесь стоял старый, выстроенный еще до революции, деревянный дом. Недавно его снесли, но руины до сих пор так и не разобрали. Это место, на языке ребятшек близлежащих домов, и называлось "стройкой".

Даша, самая старшая (ей через три месяца должно было исполниться девять) и самая бойкая девочка в их маленькой компании, уверенно проследовала к сваленным на земле ящикам и коробкам, раздвинула их и нырнула в темную глубину свалки. Робкая Таня и маленький Сережа волей-неволей последовали за ней. Коробки действительно скрывали от посторонних взглядов незаложенную кирпичами щель под забором. Даша первая встала на четвереньки, пригнулась и проскользнула в лаз. Остальные - следом. И вот уже все трое стояли на запретной земле "стройки".

Таня, ожидавшая увидеть мрачные, похожие на разрушенный средневековый замок руины, была разочарована. Дом давно сровняли с землей, и всю территорию "стройки" занимали валявшиеся в беспорядке посеревшие доски, куски штукатурки, битый кирпич и прочий строительный хлам. Даша соврала в очередной раз - в этом месте не могло жить ни одно уважающее себя привидение.

Пока Таня озиралась по сторонам, Даша немедленно приступила к поискам цветных стеклышек и прочих диковинок. Сережка уже нашел какую-то щепочку и был вполне доволен.

- Мама... - голосок был такой тоненький и тихий, что сначала Таня подумала - ей мерещится. Но плач повторился: - Мама... Похоже, жалобный зов исходил из-под огромной дубовой балки, некогда поддерживавшей потолок дома. Таня решительно полезла вперед.

- Мама! - послышалось совсем близко. Огромные голубые глаза смотрели доверчиво и печально.

- Ой, бедняжка, как ты здесь оказалась? Тебя забыли? Ты же замерзла! И, наверное, хочешь кушать. Ты такая грязная... Идем домой...

Таня бережно подхватила голубоглазую куклу в перепачканном платье. Завернула ее в свою курточку. Погладила по некогда золотистым, а ныне свалывшимся в бурую паклю волосам. Пятясь задом, вылезла из-под балки.

- Мама... - пропищала кукла.

- Ого! Покажи... - подошедшая неведомо откуда Даша бесцеремонно потянулась к кукле. - Где ты ее нашла? Дай поддержать.

- Не дам. Это моя дочурка. Не пугайте ее.

- А как ее зовут? - поинтересовался только что подошедший Сережа.

- Мила, - чуть слышно пискнула кукла, моргнув невинными голубыми глазами.

Смахнув пыль с серванта, молодая женщина обернулась, вопросительно смотря на ребенка:

- И где ты ее нашла?

- Там... во дворе... Можно Мила будет жить с нами?

- Значит, ее зовут Мила. Послушай, дочурка, если ты честно расскажешь мне, откуда эта кукла, я оставлю ее.

- Со "стройки", мамочка... - Таня потупилась, опустив глаза.

Мать придала лицу суровое выражение:

- Твое счастье, что я успела дать слово. Поэтому - кукла останется. Но ты будешь наказана. Мила останется у меня... пока. Только твое, Татьяна, образцовое поведение, сможет приблизить вашу встречу.

- Но мамочка...

- Никаких "но".

Высокая женщина легкой походкой вышла из комнаты, унося игрушку. На глазах Тани навернулись слезы:

- Мама!

Ее голос слился с жалобным голоском куклы:

- Мама!

- Наша малышка нашла себе новую подружку, - произнесла Наталья, загасив недокуренную сигарету.

- Вот как?

- Представь. Лазила на "стройку" и отыскала куклу. Мне кажется старинную. Впрочем, посмотри сам, ты лучше в этом разбираешься. Она на шкафу... в педагогических целях...

Александр, несмотря на его немалый рост, пришлось встать на цыпочки, чтобы стянуть с высокого антикварного буфета бесформенный малопривлекательный комок - новую "подружку" его дочери. Он начал внимательно рассматривать вещь, тут же комментируя увиденное:

- Да, это, в самом деле, стоящая вещичка. Фарфор. Отличный фарфор. Ни единой трещинки. Глаза - стекло. Закрываются. Поворачиваются из стороны в сторону. Механизм, видимо, простенький, но отлаженный. Ресницы на месте, целы. Волосы, по-моему, натуральные, детские... Ого! Она еще и говорит! Европейская работа, и ты права - старинная. Где-то вторая половина девятнадцатого века или даже чуть раньше. Но это надо уточнять. А платье - дешевка. Сшито недавно и, похоже, подростком или абсолютно бездарной швеей. Надо же ухитриться так пришить рукава! Самоделка. Послушай... - Александр поднял глаза. - Сшей ей платье из атласа цвета слоновой кости с кружевными вставками. В таком виде она бесподобно впишется в интерьер. Посадим ее в гостиной на кресло. Да... и кружевной зонтик ей в руку. Пожалуй, я сам разработаю фасон этого платья.

- Танюша считает ее живой и вряд ли позволит сделать из нее украшение.

- Жаль. Тогда красотку ждет участь всех любимых кукол - искромсанные волосы, перекрашенные фломастерами, оторванные ноги, перепачканные щеки и... гибель. Фарфор - не пластик. Жаль, хорошая бы получилась вещичка, стильная. В конце концов, ее можно было бы выгодно продать. Такие безделушки сейчас в моде. Пожалуй, я даже знаю покупателя...

- Оставь, Александр. Теперь это кукла Танюшки.

- Как знаешь.

К воскресенью Таню решено было простить. Ее ждал счастливый удивительный день - вдвоем с мамой они займутся прихорашиванием Милы. Всю неделю Таня готовилась. Не церемонясь, отбирала у других кукол лучшие платья. Стирала их, развешивала сушить на балконе, гладила маленьким утюжком. Делала кукольную комнату - уголок с кроваткой, зеркалом и ковриком у ног. Забросила дворовые игры с Дашей и Сережей. Целыми днями сидела дома, рассказывая другим своим куклам, какая вскоре у них появится подружка. Одним словом - ждала.

Настало воскресенье. Вскоре после завтрака Мила была извлечена из своей недостижимой темницы и сразу же попала в умелые руки Натальи - мытье хрупкой фарфоровой куклы было делом многотрудным и недетским. Наталья тщательно оттерла грязный нос и щеки, вымыла волосы, держа кукольную головку так, чтобы в глазницы не налилась вода, расчесала приобретшие золотистый оттенок локоны и завила их старыми бабушкиными щипцами. Удовлетворенно оглядела свою работу, что-то придумала и, довольная собственной выдумкой,

послала дочь в спальню за набором косметики. Вскоре, к огромному Таниному удовольствию ресницы Милы были подкрашены настоящей маминой тушью, а губы зарозовели, покрытые шикарным перламутровым лаком для ногтей.

Пришел Танин черед взяться за дело. С благоговением приняв из рук матери похорошевшую куклу, девочка надела на нее самое лучшее платьице, к счастью, оказавшееся в самую пору. Далее настала очередь панталон с кружавчиками, сшитыми мамой для прошлой фаворитки, чьих-то башмачков... В последнюю очередь Таня завязала на голове Милы огромный голубой бант из блестящей ленты.

- Ну вот, теперь твоя Мила больше не походит на бродяжку. Когда-нибудь мы сошьем ей шелковое платье и шляпку, а может быть, смастерим и зонтик. Пока иди, познакомь Милу с ее компаньонками. Да, кстати, мне не очень нравится имя Мила. Что если назвать ее иначе? Например, Элиза или Беатрис...

- Нет, мамочка, Мила сама сказала, что ее так зовут.

- Она же говорит только слово "мама".

- Обычно - да, но когда очень захочет, то и много чего другого.

- Что ж, может быть, но я думаю, что взаправду куклы говорить не умеют.

- Это простые куклы. А Мила не такая, она - живая.

- Сегодня мы весь день бездарно опаздываем! - Наталья потянулась за новой сигаретой, щелкнула зажигалкой. - Я рассчитывала быть дома к Танюшкиному возвращению из школы. У них сегодня четыре урока, потом - бассейн. А Таня простыла, и я написала записку, чтобы ее отпустили домой. Она, наверное, уже час, как пришла.

- Кто знал, что рейс задержат на два с половиной часа!

- Бред какой-то! Теперь эта "пробка" - мы тут уже минут сорок торчим. Александр посмотрел на часы:

- Только шестнадцать с четвертью.

- Прекрати свои бесконечные шуточки! Сорок, шестнадцать - какая разница! Главное - мы опоздали. Главное - Таня одна и волнуется за нас.

- Успокойся. Дети еще не умеют нервничать понапрасну. И оставь в покое сигареты, за шестнадцать минут, эта, кажется, третья. Скорее всего, Танюшка сейчас о нас и думать не думает - развлекается себе с новой куклой. Рада радешенька, что ее никто не отвлекает.

- Она волнуется! Она не такая бесчувственная, как ты!

- Наталья! В конечном счете, мы встречали именно твою сестру и это именно ты, не далее, как вчера вечером "порадовала" меня идеей подбросить ее от аэропорта до дома. Это я, сорвавшись с работы, изображал из себя таксиста, носильщика, мальчика на побегушках. А теперь я же во всем и виноват! Теперь я вынужден слушать, как на меня кричат!

- Прости, - перегнувшись, Наталья достала с заднего сиденья шляпку и сумочку. - Я не хотела

тебя обидеть. Просто я не могу тут больше торчать. Ждать. Я еду на метро.

- Не глупи. Мы выберемся из "пробки" максимум минут через десять. Пока ты доберешься до ближайшей станции, сделаешь пересадку, дойдешь от метро до дома... Наташа, ты позже меня приедешь!

- Александр, я не могу вот так сидеть и ничего не делать!

- Спорим, я приеду домой первым!

- Оставь... - Наталья с раздражением хлопнула дверью и начала пробираться к тротуару, обходя теснившиеся застывшим потоком машины.

Александр долго стоял у неказистой двери, ожидая, когда откликнется на звонок хозяйка. Послышались шаркающие шаги, скрежет задвигаемой цепочки.

- Это я, Ольга Васильевна.

Невидимая борьба с многочисленными замками и задвижками завершилась, и дверь открыли. Александр вошел в квартиру. С порога спросил:

- Как это было?

И без того невысокая Ольга Васильевна как-то съежилась, но заговорила сразу, без запинки:

- Я как раз возвращалась из булочной. Вдруг, смотрю - Наташа бежит, сама не своя. Торопится. Я ее еще окликнула. Куда там! Будто знала... В общем, пока то да се, годы мои какие, хожу медленно... Добралась я до подъезда. Поднимаюсь мимо вашей квартиры, смотрю - дверь открыта и тишина. Странно мне все как-то показалось. Я постояла, постояла, Наташу окликнула и вошла. Захожу и - Господи, Боже мой! Ох, бедняжка... Александр, менее всего желавший выслушивать сочувственные речи, грубовато оборвал:

- Оставьте причитания, Ольга Васильевна, я и без них верю в ваши искренние соболезнования. Но мне необходимо знать факты.

- Эх, Саша, Саша... Они обе рядышком лежали. Я к ним, а Танечка уже холодная. Я думала и Наташа, но нет, смотрю - дышит. Чуть-чуть дышит. Я - "Скорую". Страх-то, какой! Прямо не знаю, что делать. Потом надумала милицию вызвать. И только тут дура-баба, сообразила, что ж я стою, как пень! Давай Наташу в чувство приводить, а толку-то... Слава Богу, врачи быстро приехали. Говорят - у девочки отравление. Она уже несколько часов, как мертва. И точно - я сперва не заметила - вокруг Танечки на полу пузырьки стоят, пилюли какие-то рассыпаны. Куколки ее в рядок сидели - какая с градусником подмышкой, какая - бинтом перевязанная. Видно Танечка в "аптеку" играла или в "доктора". И сама таблеток накушалась... А тут в дверь звонок - "Скорая" подоспела. "А это кто? - спрашивают. - Мать?" "Да, - говорю, - у нее обморок..." Обеих и увезли. Тут ты и приехал. Как Наталья-то?

- Я от нее. Все нормально. Ее выпишут, скорее всего, завтра. Она держится молодцом. Все нормально, но лучше бы она плакала... Александр развернулся и, не прощаясь, вышел из квартиры. Ольга Васильевна осталась стоять посреди опустевшей прихожей.

После Таниных похорон минуло две недели. Непривычная тишина в доме сводила с ума.

В тот день Наталья все же решилась разобрать вещи дочери. Она начала с бесчисленных игрушек. Александр молча сидел в кресле, не зная, что делать. Присоединиться к хлопотам жены он был не в состоянии, как, впрочем, и уйти, бросив ее одну. Раздумья оборвал голос Натальи:

- Александр, а где Мила?

- Кто? - он с недоумением посмотрел на жену.

- Кукла. Кукла Танюшки. Та - фарфоровая.

- Я ничего не трогал.

- Она была с ней. Тот пузырек лежал в подоле ее платья. Была, а теперь - исчезла.

- Сама же куда-нибудь ее сунула.

Наталья отложила плюшевого жирафа. Подошла к мужу:

- Нет, Александр. Не. Она ушла. Ушла, выполнив свое страшное дело. Она ищет новую жертву.

- О ком ты?

- Кукла. Она погубила нашу дочь.

Александр откинулся в кресле. Зло сощурившись, оглядел стоявшую возле него Наталью:

- Не думай, будто мне легче, чем тебе. Но я не позволяю себе сходить с ума. Прекрати, возьми себя в руки, - он криво улыбнулся. - Будь молодцом. Ведь ты сильная, Наталья. За это я и люблю тебя. Держись.

- Я должна ее отыскать.

Они вошли в вагон и сели напротив. Двери захлопнулись и поезд начал набирать ход. Наталья узнала ее мгновенно. Белокурые волосы скрывала оранжевая трикотажная шапочка с помпоном, спортивный комбинезончик ничуть не походил на ставшие такими привычными пышные платья с оборками, но это была ОНА. Круглощекая девчушка прижимала ее к своей яркой курточке. Кукла также узнала Наталью. Хищный взгляд полоснул по лицу - в голубых глазах куклы светилось нескрываемое торжество.

- Где вы нашли ее?

- Простите... - мать девочки оторвалась от журнала. - Что вы имели в виду?

- Кукла. Она давно у вас?

Женщина поднялась:

- Мы выходим. Я не знаю, что вам надо. И меня это не интересует. Разрешите пройти.

Наталья вышла следом. Не отставая, шагала за ними по длинной, заполненной народом станции. Женщина оглядывалась. Девочка крепче прижимала куклу. На подходе к эскалатору Наталью оттеснили, но, растолкав прохожих, она вновь приблизилась к женщине и ребенку.

- Уничтожьте куклу. Скорее, как можно скорее, пока не поздно, уничтожьте!

- Что вам надо, гражданка?

- Я знаю эту куклу. Отлично знаю. Полгода она жила у нас. Ее губы выкрашены моим лаком, ее ресницы... Но это уже не важно! Она убила мою дочь. Убейте ее. Если вам дорог ваш ребенок - убейте!

- Оставьте нас! Вы говорите чушь!

Девочка обхватила куклу обеими руками. В глазах заблестели слезы:

- Мама, кто эта тетя?

- Я умоляю, выслушайте меня.

- Хорошо... - женщина подтолкнула ребенка вперед, на следующую ступеньку эскалатора и заслонила собой от Натальи, - но с одним условием - вы оставите нас в покое.

- Когда Танюшка нашла ее, мы тоже ни о чем не подозревали. До поры... Она выжидала. И однажды она сказала моей дочери - возьми и выпей те таблетки... Послушайте, я знаю эту куклу! Она - убийца. Она отняла мою дочь. Разве вы не видите? Посмотрите ей в глаза! Они там, в ней - сотни, тысячи невинных детских душ. Им не вырваться. Они страдают. Им нет покоя. Разбейте ее, освободите их. Разбейте! Ваша дочь погибнет! Разбейте!

Наталья попыталась вырвать куклу из рук ребенка.

- Милиция!

Надсадно засвистела бабулька-контролерша, появившийся, откуда ни возьмись рослый парень в форме, оттянул Наталью от плачущей девочки. Откуда-то издалека до Натальи донеслось:

- Я ничего не понимаю! Я не желаю иметь дело с сумасшедшими! Она хотела ограбить моего ребенка. Дайте нам уйти. Избавьте от общества этой истерички!

Женщина подхватила ребенка и устремилась к прозрачным, мотающимся на сквозняке, дверям. Наталья рванулась следом, но парень в форме удержал ее. Последнее, что она видела - крошечные губки, искривленные в зловещей ухмылке... Наталья потеряла сознание.

- Ты и правда вела себя, как сумасшедшая!

Александр был взбешен до крайности, Наталья видела это. Его чувства выдавал не голос, не выражение лица, а чуть неровная походка и неоправданная резкость движений. Он ходил по комнате, переставляя попавшиеся на глаза предметы:

- Я предупреждал...

- Но это была она.

- Во-первых, ты могла ошибиться. Во-вторых, даже если это она, нас должно волновать только то, как наша вещь попала к посторонней женщине. Но мне на это наплевать! Танюшка могла потерять эту куклу. Могла подарить подружке. В конце концов, на похоронах было много

народу и кто-то мог позариться на дорогую игрушку. Это гнусно, но каждый живет, как умеет. Не сходи с ума. Сегодня ты бросаешься на незнакомых людей, а завтра? Завтра - что? Возьми себя в руки.

- Это не месть. Пойми, я не хочу, чтобы гибли маленькие доверчивые девочки. Надо спасти тех, кто еще может уцелеть. Это наш долг - твой и мой. Ты обязан помочь мне!

- Это - бред.

- Теперь я знаю район, где они живут. Я обыщу его весь. Ах, как мне нужна твоя помощь! Вдвоем дело пойдет быстрее. Но я и одна загляну в каждый двор, в каждую квартиру. Если надо я обойду весь город. Я найду и убью ее. Она не уйдет!

Наталья искала. Она исходила все расположенные неподалеку от метро кварталы, выпрашивала, выведывала и все чаще чувствовала косые взгляды, брошенные ей вслед. Ее считали безумной, но она продолжала поиски. Так прошла зима. Больше всего Наталья боялась, что девочка живет не здесь, а где-то в новостройках, куда надо добираться на автобусе.

В этом дворе она бывала уже не раз. Качели, поломанная песочница, чахлые кустики сирени вдоль легкой ограды... Щебет ошалевших от весны воробьев... Три девочки, сидящие на скамейке... Расположившиеся неподалеку три бабушки, приглядывающие за ними... И - ОНА...

Безмятежно светило солнышко. Посохший асфальт уже был испещрен незамысловатыми рисунками и надписями, сделанными цветными мелками. Но покой светлого весеннего дня был обманчив. Наталья сердцем чувствовала приближение грозной непоправимой беды. Первым ее желанием было подбежать к девочке, вырвать из рук куклу и с силой швырнуть ее об асфальт. Но что-то останавливало ее, что-то подсказывало - так кукла не умрет. "Главное - забрать ее у детишек. Я выхвачу ее и убегу. А потом, позже, без помех уничтожу. Уничтожу правильно, как надо" - решила Наталья.

Не успела она сделать и шага, как заинтересовавшиеся чем-то девчушки стайкой воробышков вспорхнули с лавки и побежали в другой конец двора. Кукла осталась одна. Бабульки с подозрением посматривали на женщину, неприкаянно стоящую посреди детской площадки. Медлить было нельзя. Потрепанный, выдавший виды "Жигуленок" без номеров, со страшным грохотом пронесся по дорожке - подростки, набившиеся в машину, восторженно орали, довольные выпавшей им возможностью порулить. Наталья поняла: вот она - смерть. Машина собьет девочку. Кукла сидела на скамейке и следила за происходящим. Подмигнула Наталье. Куда бежать - к ней или к девочке? Наталья решила - сначала надо обезопасить ребенка, а потом заняться этим исчадием ада.

"Жигуленок" делал второй круг. Наталья бросилась к девочке. Поскользнулась на неуспевшем растаять ледяном бугорке, упала и невольно толкнула девчушку под колеса бешено ревущего автомобиля...

Наталья очнулась. Толпа. Возгласы. Солнце, бьющее прямо в глаза...

- Она толкнула ее. Подбежала и толкнула.

- Она давно здесь бродила. Высматривала.

- Маньячка...

- Сумасшедшая...

- Убийца! Убийца!

Наталья приподнялась на локте - сквозь толпу разглядела скамью - пустую. Кукла исчезла. Мрак вновь опустился на сознание Натальи.

mir-knigi.org